

Ошибка / рассказ

Category: Hekayalar, Kitapcy

написано kitapcy | 25 января, 2025

Ошибка / рассказ ОШИБКА

Сорокапятилетний жизненный путь свой Осман Мурадович мысленно делил пополам. Первая половина – разгон, годы учения, как водится нынче. В юном возрасте мы пребываем как бы в питомнике, в виде саженцев, которым еще только суждено стать настоящими деревьями. Но бьет урочный час, наступает второй период, звезда ведет тебя к далекому горизонту.

Решающий шаг делаешь от вузовских дверей, и тут не мешкай, набирай скорость роста и помни: теперь ты не в питомнике.

От вузовских дверей первый рывок в должность научного сотрудника одного из институтов академии наук – разве плохо? И здесь тоже не прозевай момента, когда нужно спланировать судьбу хотя бы на десяток лет.

Хорошо, коли ты предусмотрителен во всем и не пренебрегаешь мелочами. Как самое малое тебе надо приодеться, занять внушительный кожаный портфель, наподобие директорского, а также все прочее, приличествующее положению молодого ученого. Приучить себя к усидчивости. Даже в обеденный перерыв не обязательно покидать рабочий стол: велика ли разница где позавтракать.

В перспективе женитьба. Женитьба по всем правилам, выбор невесты, жены, которая могла бы себя прокормить. Одиночество не красит людей солидных. Конечно, обзавестись семьей – не портфель купить, однако, если обстоятельства требуют такого шага, ты мужественно должен совершить и его. Жажда покоя и отдыха от занятий в институте заставит сделать еще один шаг – добиться участка на окраине города, подальше от всяких шумов, и построить уютное гнездышко.

Впрочем, жилье, обширная библиотека и автомобиль, удачно купленные в те годы, не составляли главного в жизни Османа Мурадовича. Главное – наука, и, надо отдать ему справедливость, во всем, что касается ее, он остался человеком

неутомимым. Кандидатская диссертация, по правде говоря, отняла много сил, но план, таким образом, выполнен даже с опережением... И все благодаря любви к порядку. Человек упорный и методичный в преследовании намеченной цели, известно, своего добьется. Ежедневно, явившись на службу, Осман набрасывал себе задания, брал на заметку каждую мелочь, записывал телефоны. Когда срывалась деловая встреча или не находил кого-либо по телефону, искренне огорчался и спешил отдать другим полезным занятиям нечаянно освободившиеся минуты. А уж являться на службу чуть раньше и уходить чуть позднее положенного – с первых дней стало для него железным законом. На сотрудника, опоздавшего к звонку, Осман обычно в течение целого дня поглядывал с укоризной.

Дом – полная чаша, прочная репутация ученого, жена, врач по специальности, подрастающий сын и быстроходная «Волга» (по утрам хозяин любит ее осматривать, мыть и чистить, чтоб ни пылинки) – о чем еще мечтать человеку его уровня? К тому роковому моменту, о котором здесь пойдет речь, Осману, может, чуточку не доставало лишь молодости. В сорок пять здоровье завидное, зубы целы, глаза – хоть куда, только голова помаленьку скудеет растительностью, да и то не очень заметно. И еще, пожалуй, поубавилось легкости в движениях: лишний вес. Советовали ходить пешком, сгонять жирок; Осман соглашался, но всегда жалел минуты. Словом, время берег, усидчив был и пустым не увлекался, чужим женщинам – не приведи бог – в глаза не лез.

Так все и ладилось, слава богу, и еще двадцать лет можно было вот так, по восходящей, и вдруг эта история, это свалившееся на его голову несчастье.

До конца занятий оставалось полчаса, а завтра выходной. Осман поднял к глазам руки с часами: да, точно, чуть больше получаса. Подумал про жену, которая в отъезде, и по пальцам посчитал: целых десять дней жить ему еще сиротой, пока она вернется. Он не выносил холостяцкого существования. Хотя и в командировки-то жену посылали раз в полгода, но и эти короткие недели ее отсутствия казались ему вечностью. Сам никуда не выезжал. А ее не осудишь, не на прогулку едет, служебные,

государственные интересы любой и каждый должен ставить выше личных. Иной вопрос, когда зовут тебя на свадьбу или похороны. Всякие там праздники у родни, особенно у сельской. Те вообще помешались на праздниках. Только Осман ни к кому не ездит, поблагодарит за приглашение телеграммой, а про себя подумает, что родичам не грех бы постепенно приобщаться к современной культуре.

Будь жена дома, вероятно, они сговорились бы поехать завтра на холмы. Он сам предложил бы и настоял. В конце концов не каторжный, столько лет корпел за рабочим столом, – имеет же человек право позволить себе нарвать букет тюльпанов, набрать корзину грибов, которых, говорят, там сейчас уйма.

Его размышления прервала Джахан, секретарша директора, юная красавица с глазами серны, с высокой прической и в модных туфельках. Войдя, девушка окинула его каким-то смешливым взглядом и поинтересовалась: почему Осман Мурадович ничем не занят. Она выразилась резче: почему он сидит сложа руки. Он удивился и, тоном дав почувствовать дистанцию меж ними, пояснил неопытной сотруднице, что, когда он углублен в размышления, он занят. А посторонние действительно могут, не учитывая конкретных обстоятельств, решить иначе. И Сапа Бердыевич, присовокупил Осман тоже со смешком, может им поверить. Джахан отмахнулась от этих объяснений. Стоит ли придавать значение ее словам. Нельзя уж и пошутить.

– А вообще такими вещами не шутят, – сказал более сердито Осман Мурадович, – тем более шутки неуместны, когда люди не ровня друг другу по возрасту и так далее.

– Ладно, ладно, все ясно!. – с той же беспечностью согласилась Джахан. – А вы лучше взгляните в окно: какие холмы – сплошной зеленый ковер, чудо. На вашем месте я помчалась бы туда, собирала бы цветы и научно мыслила.

Собирать цветы, к ее сведению, не входит в круг его занятий, остановил девушку Осман Мурадович. И добавил, сдержанно кашлянув:

– Нам не следует забывать, что интересы института – одно, а цветочки – иное. Вещи несовместимые!..

– Такая машина! – не слушая его, тараторила девушка. – Ребята

уверяют – самая элегантная на всю академию. Чего стоит цвет!

– Прости пожалуйста, – остановил ее опять Осман Мурадович. – В служебные часы подобный разговор...

– Короче, машина на ходу? – безбожно срывала Джахан попытки призвать ее к порядку.

– Мы на службе, на службе, красавица!.. На твой вопрос, если угодно, я отвечу ровно через двадцать пять минут.

– Ладно, приду через двадцать пять минут, мне не трудно! – Лихо качнув башенкой иссиня-черных волос, ока устремилась к дверям, но обернулась. – Вы здесь точно до конца занятий?

– Я ухожу ровно на пять минут позже остальных. Кстати, если Сапа Бердыевичу требуется машина...

– Его нет, ушел давным-давно, а машина требуется мне! Не смотрите так. Не догадываетесь? Съездить завтра за тюльпанами. Вот так задача! Привстав с намерением пожурить девушку, Осман снова рухнул в кресло. Проклиная в душе день и час, когда была куплена «Волга», самая красивая на всю академию, он уже глядел на секретаршу снизу вверх с умоляющим видом.

– А если потом разговорчики?..

– Смешно, честное слово! Вы же мне в отцы годитесь.

– Я на три года старше твоего отца.

– Тем более. Я обожаю цветы, Осман Мурадович. У соседей вижу – сгораю от зависти. Вот бы, мечтаю, своими руками нарвать, по холмам побродить. Дай, думаю, обращусь к Осману Мурадовичу – ну много ли займет такая поездка! Я думала, согласитесь, и я утром забегу к вам домой...

– Нет, знаешь, только не домой!. – воскликнул Осман Мурадович и тут же сообразил, что обсуждает уже ее идею. – Зачем же утруждать себя...

– А куда?

– Да вон кафе «Копетдаг» на выезде из города, стань напротив. Ровно в десять. Ни секунды не заставляй ждать. Там, у семи дорог, ждать нельзя. И потом, ни звука никому...

– Будет сделано! – легко кивнула девушка и удалилась.

Утром в воскресный день ярко блестящая «Волга» вынесла их за город и плавно помчалась по шоссе. Рядом дыбились изумрудные холмы. Стебли жирной травы, после вчерашнего дождя

напоминавшей хорошо вымытого ребенка, колыхались на ветру, клонились к земле, и возникало ощущение, словно и холмы, и пустынная осока исполнены благодарности весеннему солнцу за его щедроты. Ко всему еще задушевная мелодия лилась и журчала в приемнике, который включил Осман.

Когда отъехали от города на приличное расстояние, Джахан воскликнула:

– Какая прелесть! Просто сказка! Я так вам благодарна, Осман Мурадович! Только, знаете, вчера я все же не утерпела и сказала папе...

– Папе? – дрогнув, переспросил Осман. – Мы с ним не знакомы, кажется. Всего-то один раз сидели вместе на собрании, едва ли он меня и помнит.

– Прекрасно помнит. «Османа Мурадовича у нас все знают как порядочного, уважаемого человека», – говорит он, и о машине вспомнил: в идеальной, говорит, чистоте содержите.

– Да уж чего-чего, а грязи мы ни в чем не допустим. Машина – металл, железо вроде бы, а тоже ведь разобратся, друг-товарищ живого человека, и ее холить, лелеять человек должен.

– Ясно, – согласилась Джахан. – Когда я слышу о порядочности, то непременно представляю себе это свойство распространяющимся буквально на все.

Поддержав таким образом разговор, она вскоре забыла о нем и углубилась в созерцание окружающего. Почтенный спутник ее, которого с полным правом она могла считать и своим опекуном, поерзав на сидении, бодро крякнул, приналег на руль и прибавил скорость. Между тем в душе он испытывал самому себе непонятную тревогу. Разговор с девушкой наводил на всякие мысли. Человеческое достоинство, искренность, доверие между людьми – что может быть ценней для общества и для самого человека. Не все, однако, так простодушны и доверчивы, как этого хотелось бы сидящей рядом девушке, и далеко не всегда в жизни мы сталкиваемся с добрыми чувствами. В собственной семье и то нет-нет да и выползает бог весть откуда червь недоверия. Неведомо откуда берется он и точит, бережит душу.

Взаимное недоверие, подозрение, ревность. Не только ныне, но и в далеком прошлом, с незапамятных времен они опутывали липкой

паутиной сердца, губили людей. И в книгах, в туркменских дестанах, легендах и трагедиях находишь то же самое. Разные случаи, персонажи сказок и книг приходят на ум, едва коснешься этой всечеловеческой стихии. Кого тут только нет. Полюбуйтесь же: о аллах! — сам Отелло, в своем трагическом обрамлении, навязчиво маячит перед глазами. И готов чуть ли не вмешаться в эту воскресную идиллию. Вот его лицо крупным планом за ветровым стеклом. Белейшие зубы и кричаще выразительные глаза... Но едва ли это взгляд ревнивца, заключил почему-то Осман Мурадович. Во взгляде ревнивца непременно обнаружишь расслабленность, тайный страх...

«Тебя лишь мучат подозрения и больше ничего, — мысленно обратился он к мавру. — Да, кстати, ты грозен и красив, а ведь давно уже сказано: «ревнивец не может быть красивым». — «Не льсти мне, дружище, ты же отлично знаешь, что ревность рождается из подозрения, — неожиданно вступил в беседу сам мавр. — Вот ты невинного птенчика выманил из гнезда, а жена узнает — и тотчас подозрения, лютая ревность, разве не так? — Кто просил тебя вмешиваться в чужие семейные дела? Ну и ну... — вспылil Осман Мурадович. — К твоему сведению, я презираю ревнивиц! Да ты вовсе и не красив. Просто уродина, если правду сказать. Сгинь с глаз моих!»

Мавр и не думал исчезать. Ничуть не сердясь, даже слегка улыбнувшись своей белозубой улыбкой, он продолжал, спокойно чеканя слова в такт колебаниям быстро движущегося автомобиля: «Я — это я, каков уж есть. Перед всем миром я назвал свое чувство его собственным именем и проявил его совершенно откровенно... А ты? Всю жизнь зверски ревнуешь свою жену — и что же?... Нет, нет, не перебивай, не затыкай мне рта. Ты боишься даже намекнуть ей, а ведь не спишь по ночам, когда она остается дежурить в больнице. Едва она, невзначай, упомянет имя своего сотрудника, ты долго тайком вызнаешь, кто он такой. Знакомые зовут вас в гости, тебе до смерти не хочется идти, а ты тащишься за женой, не отпускаешь одну. Она тебя раскусила с первых дней замужества... И она имеет право на ревность. Ах, не пытайся ссылаться на мою прекрасную, прославленную в веках жену; она, в сущности, лишена была права на ревность. Тебе,

ученому человеку, доподлинно известно – таким правом обладал только я. Что ты там бормочешь «феодальный, патриархальный?» Допустим. Мы с тобой понимаем друг друга. Доктор Османова, законная жена твоя, имеет все права на любовь и ревность. Независимый, свободный человек, она вольна идти и ехать куда ей хочется, будь то в своем городе или за его пределами. Потому, дружище, не станем притворяться. Себя не обманешь... Согласен?»

Бот еще напасть! Не хватало этого мавра с его разглагольствованиями. Осман даже зажмурился и тут же услышал встревоженный голос спутницы.

– Что с вами? Что с вами? Ой, ой, да смотрите же! – завопила она в испуге, обхватив его за шею.

Машину накренило после сильного толчка. В какую-то секунду Осман оценил обстановку, мгновенно и удачно успел вырулить от канавы к насыпи, дал тормоз, и машина встала как вкопанная. Воцарилась тишина, а Джахан все еще висела у него на плече.

– Мы живы, мы живы...

Звук ее голоса донесся до него точно сладостная песня. Они живы, он жив, подумал в свою очередь Осман, и разом все в душе странно переменялось, смешалось, и, уже независимо от его воли, какое-то новое чувство нахлынуло и заполнило его целиком. Виной тому было их спасение от неминуемой, казалось, катастрофы, а также близость девушки, аромат ее молодого тела. Опьянев от этого аромата, он снова, теперь уже охваченный благодатью и покоем, смежил веки.

– Ой, вам плохо? – спросила Джахан и осторожно коснулась ладонью его лба.

Справившись с новым, непонятным ему самому потрясением, он взглянул в ее озабоченное лицо и несколько задержался взглядом на белом, правильной формы изящном подбородке. Она и в самом деле несказанно хороша, он и раньше отмечал это, но как-то бесстрастно. Если хочешь вполне оценить прелесть юного женского тела, нужно ощутить его вот так, вблизи. Он снова блаженно смежил веки.

– Плохо с сердцем? – воскликнула девушка и не раздумывая принялась проворно отстегивать пуговицы на его пиджаке.

Отдернула рубашку и приложила ладонь к сердцу, приговаривая: – И все из-за меня! Ой, что я наделала! Вы бы сказали, что у вас сердце не в порядке, Осман Мурадович, я б не настаивала. Ой, как бьется!

Он медленно разомкнул веки, и опять его поразила белизна лица, и опять он ощутил предательский аромат нежной девичьей кожи. Услышал взволнованную речь – что-то о лекарствах, а самого неудержимо била дрожь. Он потянулся и поцеловал девушку. Верно, ото был крепкий поцелуи в щеку, но мгновенная звонкая пощечина заглушила все прочие звуки.

Джахан с легкостью испуганной серны выпрыгнула из машины, хлопнула дверцей, а он, потупясь, сидел некоторое время неподвижно, боясь поднять голову.

Домой Осман возвращался в одиночестве.

Загнал машину, неслышным шагом прошел к себе в кабинет и повалился на диван. Судорожно комкая в руках подушку, он сначала постанывал и повторял все одни и те же слова: «Погубил сам себя, погубил окончательно, разом все погубил...» Вдруг ему стало мерещиться, будто рядом кто-то есть, и еще непонятно откуда слышались гулкие шаги. Но рядом никого не было, в дальней комнате у включенного телевизора спал сын, и весь дом окутывало зловещее безмолвие. Дом казался чужим и враждебным.

Завтра утром Джахан все расскажет Сапа Бердыевичу, и тогда... Созвав сотрудников, Сапа Бердыевич объявит сногсшибательную новость. Ошеломленные, все ахнут, кое-кто обрадуется. Несколько депеш полетит к жене. Скандал. Дикий скандал на весь город. О аллах!

Осман тяжело мотал головой, перекатывался по дивану и теперь уже громко, безудержно стонал. Но это не помогало. Отныне и у старой уродины, институтской библиотечарши, будет повод посмеяться над ним. Едва завидев его, она обнажит передние зубы, свисающие на нижнюю губу, и примется хохотать ему в лицо. Вот они, в углу комнаты, над валиком дивана, желтые страшные зубы старухи, ее морщинистый, истерично дрожащий подбородок. Осман не выдержал, закрылся подушкой, начал стучать кулаком по дивану. А сам лихорадочно думал, как бы предотвратить или хотя бы смягчить надвигающуюся беду. Пойти к

Джахан, просить, умолять. О нет, что угодно, только не это! Перед ним явственно возник образ ее отца, рослого худощавого человека, и у него возле пояса нож с белой рукояткой. Отец намерен мстить за дочь, его не сочтешь неправым. Осман зажмурился, спасаясь от удара. Он оторвался от подушки и поднял руки, вслушался в шорох, но – кругом ни звука, лишь спустя минуту кошка замяукала в палисаднике.

Вот так история! И ума не приложу, от чего загорелось, завертелось. Уж не директор ли института подстроил все? Но разве Осман когда-либо позволял себе дурное в отношении его? Нет, такого он вспомнить не мог. Наоборот, когда в адрес Сапа Бердыевича сотрудники высказывали похвалу, Осман ревностно поддерживал их во всеуслышание, а если, бывало, его за глаза ругали, Осман помалкивал. Короче, директор ни при чем, виноват только он сам. Никто не заставлял его целовать Джахан, и теперь, поразмыслив, он полностью и во всей глубине должен был оценить свое падение, свою непоправимую ошибку. Легко сказать – ошибка! За такую самое малое – в три шеи выгонят из института, и прости-прощай привычный, с превеликим терпением нажитый авторитет! Еще и с семьей, чего доброго, распрощается. Двор, машина – все прахом пойдет.

Дрожа и кусая губы, он захватил в горсть прядь волос у себя на виске, дернул изо всей силы, с болью вырвал. О аллах, тут же виднелась явно седая прядка, и это, несомненно, было результатом сегодняшнего потрясения.

– погоди, погоди, завтра ты весь будешь бел как лунь, и удивляться не должен, и роптать не смеешь, – произнес он вслух, а затем, преодолевая себя, оттолкнулся от дивана и шагнул к зеркалу. Жалкий вид собственного лица ужаснул Османа. Впалые щеки, безумные глаза с призрачными светлячками зрачков, новая морщинка, сбегавшая к носу, – готовая канавка для слез, – хорош ты стал, Осман, лучше и быть не может.

Глядя широко раскрытыми глазами в зеркало, он долго и тупо молчал, потом стал слегка шевелить губами, будто пережевывая сушеную дыню, наконец заговорил вслух.

– Самое верное – попытаться упросить их не давать делу хода, – сказал он вполголоса. – Умолять не стесняясь, тут уж не до

гордости. Помнишь то собрание, где Сапа Бердыевича крыли за провал с подготовкой аспирантов? Не забыл?

И вдруг взлохмаченное изображение в зеркале, оскалась, ответило ему:

– Помню.

– Ругали в общем-то справедливо, я так понимал, могу чистосердечно признаться.

– Но ты тогда ни словом не обмолвился, ты-то... воздержался от критики начальства?

– Другие выступили – и достаточно... Не захотелось повторять уже сказанное...

– Ну и ну! Со мной хоть не лукавь, ведь я – это ты, – внятно донеслось из зеркальной глубины.

– Раз так, то тебе известен мой характер, – совсем уж всерьез объяснялся Осман Мурадович. – Я человек нерешительный, но не трус и... тьфу, тьфу теперь вот, в роковую минуту, мне приходится каяться еще и перед тобою... перед собою за то, прошлогоднее. Слушай же чистую правду. Почему я смолчал тогда, не поддержал критикующих? Я чутьем угадал, уловил, что нашего Сапа, невзирая на разное, оставят-таки в должности директора. Притом критика руководителей – вовсе не моя прямая обязанность. Они о нас заботятся, а мы на них лаять будем? Нет, брат, шалишь, ты меня не запутаешь, и слушать тебя не хочу.

Отвернувшись от зеркала, он поплелся обратно к дивану. Теперь – о ужас! – пришел черед жены... Встреча с ней казалась едва ли не самым страшным в его переживаниях. Еще до того, как переступить порог дома, она будет осведомлена обо всем. Посмотрит с презрением, скажет: «Хорош же ты, Осман... Столько лет прикидывался овечкой, а теперь показал, кто ты есть. В сорок пять лет – срам, бесчестье... Да как можно жить в одном доме с таким мерзавцем!» Скажет – и наплюет в глаза.

Он съежился, покрутил головой и заметил вдруг, что ворот рубахи, а отчасти и подушка мокры от слез.

В понедельник явился в институт, сел за стол, а вскоре позвонил директор и вызвал к себе. Ни жив ни мертв он зашагал по коридору. Войдя же в кабинет директора, обнаружил нечто

несообразное: пол и все, что было на виду, все проваливается, съезжает вниз, а сам Осман Мурадович ощутил в те же мгновения, будто он уменьшается, становится совсем крохотным, почти незаметным. У него тряслись колени. Несчастный сделал над собой усилие, пытаясь унять дрожь в ногах, — она не прекращалась, более того, любой бы заметил, как он затрясся всем телом. Не утратил ли он чувствительность вообще, на секунду сосредоточившись, подумал Осман и решил проверить. Незаметно ущипнул себя за бедро, но ничего не почувствовал, будто тело принадлежало не ему или было не живым телом, а какой-то резиной. Еще изловчился, укусил себя за палец — и опять никакой боли. Между тем приближался к столу, все-таки хватило самообладания не упасть на пол, дойти и в изнеможении рухнуть в кресло.

— Вам нездоровится? — спросил директор.

— Ничего, ничего, — ответил он, сжимая трясущиеся колени.

— А вид у вас... вы, кажется, весь в поту. Что с вами?

— Не обращайтесь внимания. Желаю вам доброго здоровья и благополучия, Сапа Бердыевич, — бормотал, сам не зная что, Осман Мурадович. — Сейчас все пройдет, вы только не обращайтесь внимания... Не придавайте значения... Может, я простудился.

— Сидели вчера на мокрой траве?..

— О нет, нет, Сапа Бердыевич, что вы! До этого не дошло и не могло дойти. И дурных намерений, поверьте, тоже не имел. А случилось нечаянно, как бы лучше выразиться — произвольно. Живые люди! Я ведь под вашим руководством жил и работал ни много ни мало двадцать лет, — переменял вдруг тему Осман Мурадович.

— К чему вы это? — недоумевая, поинтересовался директор, но возбужденный до крайности собеседник не слышал ничего и горячо продолжал:

— Вспомните-ка и скажите мне прямо в лицо, скажите: изменил ли я хоть раз жене за целых двадцать лет? Вчера это... ошибка, невзначай. Пусть я ослепну, сгорю, провалюсь на месте, если лгу. Бейте, убивайте меня своими руками, Сапа Бердыевич, только ради всего святого, не разглашайте, не давайте делу хода. Пусть все между нами...

– Вы больны, вы несомненно больны! Сейчас вызовем врача и...

– Не говорите так, умоляю вас! Я не болен, виноват. Я – виноват!.. – Осман прикусил до крови нижнюю губу, сморщился, и, уставясь в лицо директору неподвижным взглядом, продолжал: – Верьте! Отчего вы не верите мне? За двадцать лет ни разу не причинил я вам зла, даже в мыслях не имел дурного. И не имею, и не причиню, клянусь чем угодно! Уж вы поймите меня, Сапа Бердыевич!

– Болен – не болен, нормальный – ненормальный, ничего в толк не могу взять. Ей-богу, у самого, глядя на вас, разум вот-вот помутится, – развел руками Сапа Бердыевич. – Коли вы не больны, объясните в чем дело.

– Вы же отлично знаете, – выжав некое подобие улыбки и даже подмигнув директору, засуетился Осман. – Вы осведомлены... Ошибся, признаюсь чистосердечно! Бес попутал, вот... ошибся. Вы один на всем белом свете в состоянии облегчить мою участь. Не бросайте же меня на съедение.

Теперь уже не оставалось ни капли сомнения в том, что бедняга совершенно не в себе, и, нажав кнопку, директор вызвал секретаршу, При ее появлении бедняга Осман втянул голову в плечи, но, как и прежде, не отрывая взгляда от лица директора, твердил:

– Вы, вы один – заступник мой, не от кого больше ждать мне помощи, да от других я и не жду, верьте, Сапа Бердыевич! Не оставляйте в беде. Ошибся... натворил! Все неумышленно, и ты поверь, сестрица Джахан.

Директор бросил вопрошающий, недоумевающий взгляд на секретаршу: понимает ли она хоть что-нибудь в этом горячечном бреде и во всем происходящем здесь. Лицо Джахан между тем залилось краской, но она сохранила самообладание.

– Сумасшедший! – заключила она.

– Действительно, вы не здоровы, дорогой, вам надо домой.

– Здоров я, здоров, не допускайте же роковой ошибки! – взмолился Осман. – Я хочу работать. Прикажите – после занятий останусь, до глубокой ночи.

– Да, да, понимаю... переутомлены, чем-то расстроены, бывает... Вы должны отдохнуть, – стал мягко увещевать его директор, но тут

неожиданно Джахан, возвысив голос, властно приказала несчастному:

– Ну-ка вставайте! Идемте! Живо!

Он вскочил и не мешкая зашагал к двери. Уже за пределами кабинета, в приемной, поднял повинную голову, жалостливо взглянул в глаза девушки, хотел заговорить, но она опередила его.

– Вы просто посмешище, Осман Мурадович! Шут гороховый, – безглаголиво и очень отчетливо сказала она. – Хуже того – скотина, последняя свинья...

Он намеревался продолжить покаяние. Но Джахан, взяв телефонную трубку, пригрозила:

– Если сейчас же, сию минуту, вы не скроетесь с моих глаз, я звоню в психиатрическую...

Не помня себя, Осман Мурадович выкатился из приемной в коридор.

Перевод А.Аборского.

Источник: <http://flibusta.is/b/333651/read#t15>. 31.10.2022г.
Neкаýalar